

ОТЗЫВ
на диссертационную работу
Лакиной Светланы Валентиновны
«Ономастическое пространство дисциплины «Античная литература» (на
материале отечественных учебников для высших учебных заведений)
представленную к защите на соискание ученой степени кандидата
филологических наук по специальности 5.9.5 Русский язык. Языки
народов России

Диссертационное исследование Светланы Валентиновны Лакиной посвящено актуальной для современной лингвистики и лингводидактики теме – созданию словников учебных текстов различных предметных областей. Целью исследования является описание ономастического пространства дисциплины «Античная литература», что сближает проблематику работы с вопросами, относящимися к классической филологии с одной стороны и методике преподавания – с другой. В задачи исследования входили определение методики составления частотных словников и лексических минимумов учебных и научных дисциплин; автоматизированная и ручная обработка текстов учебников, использовавшихся и используемых в российских вузах для преподавания предмета «Античная литература»; лингвостатистический анализ онимов в различных учебниках и изучение особенностей функционирования этих единиц в изучаемых текстах.

Ономастическое поле античной культуры – явление специфическое. Оно одновременно представляет собой начальный этап ознакомления с материалом (как это полагается при изучении литературы) и способ демонстрации глубокого его освоения: пушкинская «ножка Терпсихоры» и т.п. – это, конечно, традиционная для европейской культуры отсылка к античному наследию; но при этом не стоит забывать и о средневековой еще манере, особенно процветавшей во времена Ренессанса, когда привычное имя заменялось менее распространенным (т.е. номен – когноменом или этнонимом): не Овидий, а Назон (и тут опять можно вспомнить Пушкина), не Гораций, а Флакк, не Вергилий, а Марон, а то и просто Поэт, не Аристотель, а Стагирит или Философ. С одной стороны, это зависит от адресации (*sapienti*

sat, а профанам и понимать не надо), с другой – служит демонстрации собственной «непрофанности». Учебники для первокурсников, вроде бы далекие от подобных изысков, тем не менее нуждаются в усложнении ономастических рядов, потому что они все равно потом встретятся в средневековых, ренессансных и далее текстах, для филологов обязательных. Еще одна проблема – это непонятность, а иногда непроизносимость корней, особенно греческих, складывающихся к тому же в композиты: в сознании первокурсников это порождает эрративы вроде «Эвридипа» и «300 спартаковцев». Отсюда, собственно, и проистекает специфика употребления имен (вариативность и частотность) в учебниках по античной литературе. Как автор не одного такого пособия могу сказать, что при выборе конкретной лексемы работают взаимоисключающие факторы: разнообразить, как полагается, текст – и повторять имена почаще, чтобы запомнили (во избежание тех самых эрративов или именованя на экзамене авторов через первую букву имени, потому что кроме нее ничего не запомнилось); показать специфику античной литературы – и подготовить к встрече с теми же персонажами и авторами в курсах литератур последующих эпох. В свете всего вышесказанного предпринятое С.В. Лакиной лингвистическое изучение учебно-научных текстов по античной литературе представляется мне интересным и полезным с точки зрения ракурса. Сразу отмечу, что, несмотря на отказ (вполне разумный) от сравнительно-качественной оценки исследуемых учебников (с. 98), автору удалось фактическими выводами (с. 122 диссертации, с. 20 автореферата) на основании лингвостатистического подхода подтвердить интуитивное ощущение лекторов, рекомендующих в качестве основного пособия по греческой части античной литературы учебник А.Ф. Лосева и А.А. Тахо-Годи, а по римской – И.М. Тронского: процент употребления имен Гомера и Цицерона наглядно демонстрирует, на каком из этапов истории античной литературы особенно сосредоточен интерес автора учебника. Это находит подтверждение и в выносимом на защиту положении (положение №1, с. 11): «показатель частотности

употребления отдельных лексем (в данном случае – онимов) является одним из основных при характеристике того или иного дисциплинарного дискурса, а самое частотное слово, в том числе и самый частотный оним – это всегда лексема, которая важна не только сама по себе, но как элемент концептуальной схемы, или концептуального каркаса, дисциплины».

Основными результатами диссертации можно считать следующие:

- 1) формирование методики выявления и анализа ономастического пространства учебной дисциплины (методы корпусной лингвистики; количественного автоматизированного и ручного анализа, контекстуального анализа);
- 2) определение ономастического пространства дисциплины «Античная литература, состоящего из выявляющихся классы и подклассы онимических лексем: антропонимов, топонимов, теонимов, этнонимов, разделяющихся в свою очередь на тематические и нетематические;
- 3) создание частотных списков онимов, характерных для каждого из рассмотренных 9 учебников;
- 4) сопоставительный анализ полученных списков с последующим рассмотрением причин расхождения в функционировании тех или иных онимов;
- 5) определение особого статуса имён собственных в контексте рассматриваемой предметной области

Диссертация имеет стандартную структуру и состоит из Введения, трех глав, Заключения, Списка использованной литературы (161 наименование) и Приложения.

Во Введении указываются актуальность, объект, предмет, материал, цель, задачи, методика, методологическая база, научная новизна, теоретическая и практическая значимость исследования, сведения об апробации работы, а также 10 положений, выносимых на защиту.

В Главе 1 рассматривается история изучения имен собственных, в том числе зарождение и развитие ономастики как отдельного направления лингвистики, проблематика изучения онимов (объем понятия, его определения, вопросы, связанные с установлением значений и функций онимов). В той же главе описывается понятие «ономастическое пространство», устанавливается его специфика в изучаемой области. Также излагаются сведения о понятии «лексический минимум», оценивается его роль как дидактического инструмента. Важно, что уже здесь за точку отсчета берется античность: дискуссии относительно двух теорий происхождения имён – «по природе» и «по соглашению». Правда, иногда хотелось бы пожелать большей аккуратности в обращении с античным материалом – например, не совсем понятно, что скрывается за обосновывающим актуальность работы утверждением: «На особое положение имён собственных в науке указывали ещё Гомер, Гёте и др.» (с. 15) Ладно «Гете и др», но как именно указывал на особое положение имен собственных в науке Гомер?

В Главе 2, имеющей также теоретический характер, рассматривается история преподавания предмета «Античная литература», особое внимание обращается на исторический контекст и концептуальные особенности создания учебников по античной литературе, приводятся составленные автором классификации учебников, при разработке которых диссертант проявляет творческий подход, выбирая параметры, которые оказываются существенными для дальнейшей машинной обработки данных. В той же главе обосновывается значимость имен собственных для общего словника учебников по курсу «Античная литература».

И здесь, мне кажется, для полноты картины не хватает первых текстов, которые относятся к заявленной теме: это, с одной стороны, 10 книга «Воспитания оратора» Квинтилиана, по сути первое пособие по греческой и римской словесности, которое заложило, в том числе, и то, что в работе названо «ономастическим полем античной литературы», а с другой – это

«Цветы греческой поэзии» Н.Ф. Кошанского, которые, пусть и в форме хрестоматии, содержат первый русский ономастикон античной словесности. Возможно, эти дополнения оказались бы декоративными, но есть вероятность и того, что соотнесение словников этих текстов с более привычными нам учебниками добавило бы нюансов и содержательной стороне выводов диссертантки (особенно это касается «Цветов поэзии», которые соответствуют заявленной в заглавии категории «отечественных учебников»). Хотя, конечно, в рассмотрении именно послереволюционного этапа изучения античной литературы есть свой резон.

Хочется отметить скрупулезность диссертантки в обращении с избранным материалом. Например, в отдельном подпункте рассматривается «Нормативная и методологическая база учебной дисциплины «Античная литература»» с точки зрения особого статуса имён собственных в рамках рассматриваемой предметной области (подпункт 2.4.). Здесь анализируются несколько учебно-методических комплексов, которые в настоящее время используются в различных вузах и делается следующий вывод: «Таким образом, все рассмотренные нами программы включают в своё содержание и формулировки тем имена собственные, что ещё раз подтверждает их особую позицию в рамках лексического пласта дисциплины. Следовательно, без их знания невозможно полноценно изучать «Античную литературу»». (с. 90). Не уверена, что вынесение собственных имен авторов в разделы программ является специфической особенностью именно античной литературы. Как можно говорить о литературе, минуя авторов? Поэтому этот раздел с эвристической точки зрения мне представляется лишним, во всяком случае в его нынешнем виде. С другой стороны, вынесенные в программы онимы представляют собой квинтэссенцию изучаемого материала – но вот рассмотрение программ именно с этой точки зрения я не обнаружила. Как соотносятся частотность употребления имен в учебниках с их представленностью в программах? Можно ли, с методической точки зрения, говорить о соответствии того или иного учебника той или иной программе?

(или наоборот, потому что некоторые программы скорее всего были составлены на основе доступных авторам учебников). Это – та полезная с практической точки зрения информация, которую хотелось бы получить в рамках подобного исследования.

Практическая часть исследования излагается в Главе 3 и Приложении.

В начальной части Главы 3 приводятся сведения о методологии исследования, его цели (лингвистическая, лингводидактическая, экстралингвистическая), этапы (компьютерная обработка текстового массива и ручная обработка и анализ полученных результатов) и общий объём (более двух миллионов (2 273 748) словоупотреблений); приводится формула для количественного анализа и описываются принципы ручной обработки полученного материала.

Далее (п. 3.2) автор устанавливает составляющие ономастического пространства дисциплины «Античная литература», оценивая обнаруживаемые в разных учебниках антропонимы, топонимы, теонимы и этнонимы по параметрам «тематичность» vs. «нетематичность», «частотность» vs. «нечастотность». И если распределение по категориям «частотность» / «нечастотность» в силу объективности этих категорий вопросов не вызывает, то «тематичность» / «нетематичность» явно нуждается в более детальном разъяснении. Например, не совсем понятен перечень нетематических топонимов на стр. 109: Италия, Персия, Египет, Сицилия, Азия, Восток, Европа, Карфаген, Александрия, Африка. Восток и Африка – пусть так. Но остальное – это употребляемые в античных текстах топонимы, причем относящиеся к области распространения античной культуры. Что делает их нетематическими? И почему Камены – нетематический теоним? Ладно Изида и Озирис, хотя тоже вопрос, их культ был весьма распространен в Империи, и в «Метаморфозах» Апулея Изида уж точно – теоним тематический. Но Камены – римская версия Муз, эта лексема встречается уже у Ливия Андроника в его переводе «Одиссеи» как раз там, где в оригинале – Муза.

Схожие проблемы и с нетематическими этнонимами (с 110): перс, александриец, германец, финикийнин, скиф, карфагенянин, этруск, сириец, трахинянки, помпеянец. Персы и финикийцы – это часть греческого мира, они присутствуют в античных текстах. Почему александриец нетематический топоним, при том, что антиохиец внесен в перечень тематических? Тем более что на с. 145 диссертантка справедливо замечает, что «Единицы эолиец и александриец могут выступать в качестве названия людей по месту проживания, но в контексте дисциплины "Античная литература" эти онимы приобретают второе значение – лица, принадлежащие к литературной или научной школе, которая локализуется в месте, названном производящей основой». Трахинянки – жительницы древнегреческого города Трахина. При этом «фессалиец» находится в разделе тематических онимов, а Трахин – в Фессалии. Помпеянец – это все же скорее сторонник Помпея, а не житель Помпей (хотя это может зависеть от контекста). И что-то у меня большие сомнения, что Публий Гораций Коклес может быть ядерным антропонимом (с.111). Он же даже не автор, а полубоггерой. Откуда взяться такому количеству контекстов в учебнике?

И Ифигения вряд ли ядерный теоним в значении Артемиды (там же). Да, возможно, что по происхождению «Ифигения» - один из эпитетов Артемиды, но это не значит, что в учебниках этот оним употребляется в подобном смысле, а не указывает на принесенную в жертву дочь Агамемнона. То есть Ифигения может появиться в учебнике как эпитет Артемиды, но одновременно, если автор решит объяснить студентам исходную мифологическую связь богини и принесенной ей в жертву героини, тем более что имена дочерей Агамемнона в разных текстах звучат по-разному. В частотном же употреблении это мифоним, а не теоним. Еще более настораживающим является знак равенства между Зевсом и Агафоном (с. 143). Вы уверены, что речь идет именно о Зевсе, а не драматурге - младшем современнике Еврипида, которого Аристотель считает создателем «вставочных песен»? При этом ранее (с. 37) появляются «отождествлённые

спартанский Зевс и Агамемнон». Но здесь речь идет не об отождествлении, а о предполагаемом превращении одного из именовании бога – в героя (как и в случае с Артемидой-Ифигенией). Я не предлагаю вникать во все тонкости божественных эпиклез древних греков – в этом не все мифологи до конца разбираются – но призываю быть чуть аккуратнее в выражениях. Я понимаю, что Светлана Лакина почерпнула это тождество у А.Ф. Лосева, и могу только приветствовать знакомство филолога-русиста с текстами, которые, увы, не все классики осваивают. Но в учебнике по античной литературе Агамемнон не может быть тождественен Зевсу, а Агафон – тем более. Впрочем, при всей увлекательности этих градаций их необходимость не совсем ясна, так как в следующей главе при анализе лексики они практически не используются, хотя эта часть исследования оказывается насыщенной интересными наблюдениями.

В п. 3.3 Частотный анализ антропонимических лексем диссертант, анализируя полученные данные, классифицирует наиболее частотные онимы в каждой из рассматриваемых ЛСГ. Особенно увлекательной и при этом важной как с научной, так и с методической точки зрения является часть, где описываются процедуры деомонимизации. Любопытное наблюдение «из всех мифологических персонажей, которые не являются теонимами, попадает в десятку только Одиссей, но у Тронского он стоит на втором месте, а у Лосева располагается ближе к концу десятки» (стр. 123) получает следующее объяснение: в учебнике Тронского информация об «Одиссее» выносится в отдельный параграф второй главы «Древнейшие литературные памятники». Мне кажется, это наблюдение следовало бы развить. У Лосева ведь тоже есть отдельный параграф по Гомеру, куда же без него. Но называется он «Гомеровский эпос». И основная задача Лосева в нем – обобщение научных исследований гомеровских поэм, характеристики эпического стиля, поэтическая техника и т.п. Авторству Лосева принадлежала монография в серии ЖЗЛ о Гомере, поэтому избранный в учебнике ракурс вполне объясним. Тронский же в главе «Древнейшие литературные памятники» тоже

вполне логично сосредотачивается на сюжете и героях. Таким образом, статистическая плотность онимов оказывается обусловленной общей тематикой главы – и методологией автора учебника в целом. Собственно, в диссертации это подтверждается, но на несколько ином материале – частотности употребления имен Маркса и Энгельса (с. 125). Интересно, что в этом контексте оказался существенным возрастной водораздел: то, что для старшего поколения кажется очевидным (обилие вышеуказанных персоналий в учебниках советского времени), для нового поколения исследователей нуждается в объяснении и теоретизации.

Интересным наблюдением является установленная автором закономерность в отношении высокой частотности употребления ряда антропонимов в главах и разделах учебников, которые им не посвящены» (с. 129). Диссертант устанавливает причины такого использования и типологизирует их (с. 131).

Обращение к материалу смежных дисциплин (в нашем случае, классической филологии) всегда несет в себе некоторые опасности. Большинство из них С. Лакиной удалось преодолеть или обойти, но, к сожалению, не все. Прежде всего это касается анализа теонимов. Впрочем, это было вполне предсказуемо, так как и у классиков-мифологов не всегда сходятся мнения на этот счет. С одной стороны, у нас есть традиционные ряды сопоставлений имен богов греческого и римского пантеона – тут сбиться трудно. Но в одной только греческой части у нас есть масса сложностей в именовании и их систематизации. О некоторых из них уже шла речь выше (Зевс – Агамемнон – Агафон). Сложнее с Аполлоном – он в обеих традициях и Аполлон, и Феб, но трагики предпочитают именовать его Локсий (не исключая, что *metri causa*), что редко находит отражение в учебниках. Жуковский, переведя Гермеса Эрмием, тоже заложил немалую проблему для последующих поколений и тд. Мне кажется, не стоило автору диссертации вникать в сложности происхождения Эриний, Харит и Нереид – для учебников эти нюансы не важны совершенно. А вот разницу между

Аидом и Гадесом, чисто фонетическую, применительно к русскому языку давно пора описать и обдумать. Также как и между Эросом и Эротом. И если в первом случае дело скорее в эстетике, то во втором – в семантике: Эрос – это первостихия, приводящая все в мире в движение, космогоническая потенция, если угодно; Эрот – антропоморфичный бог любви (хотя по-гречески это одно слово, русский язык благодаря двойной традиции заимствования то основы, то формы именительного падежа дает возможность семантической дифференциации). Проблемы эти в работе обозначены, и моя задача тут только пожелать Светлане рассмотреть их подробнее в своей дальнейшей работе. Применительно же к данному исследованию у меня возник вопрос: в чем разница между двойной номинацией, эпиклесой, прозвищем и соименем?

Также в Главе 3 приводится перечень уникальных антропонимических единиц, содержится информация о закономерностях использования синтаксических дериватов, образованных от онимов, проводится частотный анализ топонимических лексем и этнонимических единиц с рассмотрением их морфологических вариантов.

Мне кажется, что разговор о морфологических вариантах обладает большим научным и одновременно практическим потенциалом. В рамках античного материала мы видим достаточно морфологических колебаний, обусловленных традицией, местом (Москва или Ленинград) или временем (60-е или 80-е гг) написания учебника. Их систематизация и унификация может избавить студентов от раздражающей и их, и преподавателей путаницы. Любопытный пример из данной работы – Ефесеяне (с. 145), которые существуют только в контексте послания Апостола Павла, а в разговоре о собственно античной литературе становятся эфесцами. А вот в форме «фракиянец» как морфологическом варианте к «фракиец» (с. 146) я не совсем уверена. Не зря мы встречаем, как справедливо замечает автор диссертации, только форму женского рода. Таким образом, у нас получается

пара «фракиец/фракиянка», аналогичная «финикиец/финикиянка». Не нужно придумывать лишнего. С нас хватит и аргосцев/аригивян/аргивцев.

Завершающей частью исследования является Заключение, в котором обобщаются основные наблюдения работы, входящие в выводы по главам. Также для наглядности представления материала в диссертации имеется приложение, включающее 21 таблицу, 7 рисунков и 1 диаграмму и занимающее 120 страниц. Данная часть исследования имеет особую ценность: именно таблицы содержат частотные словники онимов, обнаруживаемых в исследованных учебниках. Наиболее показательными являются таблицы 2-19, включающие частотные антропонимы, теонимы и этнонимы в однотоменных и многотоменных учебниках, а наиболее любопытными, на мой взгляд – таблицы 20-21, содержащие уникальные антропонимические лексемы (вот только Филит у Тронского – скорее всего фонетическая версия Филета Косского, присутствующего и в других учебниках и, соответственно, таблицах).

Все вместе дает возможность представить в структурированном виде полную картину онимической лексики учебников по античной литературе. Несомненный плюс работы - тщательно продуманная система обработки данных и ее последовательное применение. Анализ материала наглядно демонстрирует целесообразность исследования не одного, а целой группы учебников: автор определяет характеристики, различающие ономастикон исследуемых текстов, и, что особенно ценно, дает объяснение этим различиям. В целом следует отметить свойственные диссертационному исследованию непротиворечивость и логичность излагаемых доводов и выводов, информативную насыщенность, а также лаконичность и четкую структурированность. Все эти характеристики свидетельствуют о том, что автором была проделана серьезная научная работа, приводящая к получению нового филологического знания, имеющего как теоретическую, так и практическую ценность. Особо следует отметить дидактический аспект написания исследования, которому автор уделяет внимание во всех разделах

своей работы: приводимые сведения безусловно могут быть использованы в процессе обучения и изучения дисциплины «Античная литература». Составленный с использованием описанной методологии словник отражает не только частотность антропонимов, но и их системные связи и помогает предсказать возможные трудности в усвоении и интерпретации этих единиц студентами.

Большинство замечаний уже было изложено в процессе рассмотрения работы, остались, скорее, вопросы и пожелания:

В работе неоднократно подчеркивается «особый статус ономастической лексики» – хотелось бы четкой формулировки, в чем именно он заключается.

Можем ли мы утверждать, что имена собственные играют в учебниках по рассматриваемой дисциплине особую роль, отличную от других учебников по литературе (русской, французской и т.п.)?

Существует ли (и является ли существенной) специфика введения онима в текст того или иного учебника (выделение курсивом, разрядка, ударения)? Наличие такой стратегии особого графического представления имени может быть средством введения лексического минимума непосредственно в текст.

Сверяли ли вы получившиеся словники с индексами и указателями, имеющими место в конце большинства учебников?

Имеются ли существенные различия в статистических показателях онимической лексики учебниках, озаглавленных «Античная литература» и «История античной литературы». Поясню свою мысль: «Античную литературу» можно свести к перечню персоналий или характеристикам отдельных жанров, «История» – все же предполагает описание развития жанров и литературного процесса. Таким образом, можно предположить, что процент онимов в учебнике «Античная литература» должен быть выше, чем в «Истории». Так ли это?

Высказанные замечания и возникшие вопросы не снижают ценность работы, напротив, показывают важность затронутых диссертантом проблем. Основные положения диссертации достаточно полно отражены в автореферате и публикациях диссертанта.

На основании всего вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

- 1) Диссертация С.В. Лакиной посвящена актуальной научной проблематике, соответствующей специальности 5.9.5 Русский язык. Языки народов России (филологические науки).
- 2) Диссертация является завершенным научным исследованием, имеющим важное значение для изучения ономастического пространства учебных дисциплин и методологии лингвостатистического анализа в целом
- 3) Автореферат диссертации отражает ее содержание.
- 4) Полученные результаты опубликованы в 4 работах в журналах, входящих в перечень ВАК Министерства высшего образования и науки Российской Федерации и апробированы на 5 всероссийских и международных конференциях.
- 5) Выводы и методология диссертации могут использоваться в работах соответствующего направления (изучение ономастического пространства той или иной дисциплины; составление лексических минимумов или словариков учебных дисциплин) а также несомненно будут полезны при подготовке занятий и методических пособий по античной литературе.

Диссертация С.В. Лакиной отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует паспорту специальности 5.9.5 – «Русский язык. Языки народов России» (по филологическим наукам), а также критериям, определенным пп. 2.1-2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова, а также оформлена, согласно

приложениям № 5, 6 Положения о диссертационном совете Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Таким образом, соискатель С.В. Лакина заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5. 9. 5 – «Русский язык. Языки народов России» (филологические науки).

Официальный оппонент:

Кандидат филологических наук,

доцент кафедры классической филологии филологического факультета ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

ЗАБУДСКАЯ Яна Леонидовна

«19» августа 2024 г.

Специальность, по которой официальным оппонентом

защищена диссертация:

10.02.14 – Классическая филология, византийская и новогреческая филология (филологические науки)

Адрес места работы:

119991, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 51

Тел. организации: 8 (495) 939-20-06

Официальный сайт: <https://msu.ru/>

e-mail: classic@philol.msu.ru

Подпись сотрудника

филологического факультета ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

Я.Л. Забудской удостоверяю:

руководитель/кадровый работник